

В отсутствии заключённых конвойные солдаты любили пошуровать на производственных объектах, тырили оттуда для отцов-командиров или собственных нужд всё мало-мальски ценное, не запертое под замок: инструменты, стройматериалы, краску. Но стоило колонийским производственникам пожаловаться на кражу, а то и задержать с поличным, например, с ведром краски, солдатика, как со стороны командования батальона следовали ответные меры.

Комбат своей властью «закрывал», то есть изымал пропуска бесконвойников, запрещая выпускать их за пределы жилзоны. На хоздворе визжали голодные свиньи, оставался на приколе трактор «Беларусь», развозивший обед заключённым, работавшим на производственных объектах...

* Продолжение. Начало в журнале «Гостиный Дворь» № 2

В ответ начальник колонии приказывал отключить в казарме электроэнергию или подачу горячей воды в батареи отопления.

Такие разборки тянулись порой месяцами.

Периодически Медведь и Вайнер встречались где-нибудь на нейтральной территории, пили водку, мирились, но разница задач, стоящих перед конвоем и производством, вскоре вновь приводила к конфликтам, ссорам и взаимным «подлянкам».

Конвойные офицеры, в отличие от колонийских, служили по войсковой системе. Их часто переводили с места на место, отчего они не успевали обрастать хозяйствами, огородами. Колонийские же офицеры, по обыкновению, до пенсии работали в одном и том же «учреждении». Как правило, были они родом из близлежащих деревень. Обосновывались в посёлке прочно, по крестьянской привычке, обрастали хозяйством: дачами, гаражами, сараями, сеновалами. Держали живность — птицу, свиней, а многие и коров.

В этом они близки были с конвойными прапорщиками — «контролёрами», которых тоже в основном набирали из местных.

Большинство офицеров-«конвойников» заканчивали в своё время училища внутренних войск и считали себя профессиональными военными. А потому к разношёрстной «аттестованной» колонийской братии — бывшим шофёрам, строителям, зоотехникам, дослужившимся к пенсии до

капитанов и майоров, — относились высокомерно и презрительно дразнили «профсоюзниками».

При этом конвойные офицеры непосредственно с осуждёнными не работали, на охраняемую территорию обычно не входили и смотрели на зеков только через прицел автоматов. Это, в свою очередь, давало колонийским право именовать конвойных «вожками» и считать ничего не смыслящими в зоновской жизни.

К слову, строго говоря, офицерами «аттестованных», то есть носящих погоны работников колонии, называть было не правильно. Официально они именовались «начальствующим составом органов внутренних дел» и носили специальные звания — лейтенант внутренней службы и т. д. Автор этих строк, например, сейчас числится майором внутренней службы в отставке.

Заключённые звали солдат конвойного батальона «чекистами», а солдаты зеков «жуликами». Ни те, ни другие ничего обидного для себя в таких кличках не усматривали. В рассказы об избиении солдат внутренних войск на гражданке бывшими зеками не верится, ибо, к чести «жуликов», на моей памяти ни один тюремщик не подвергся целенаправленной мести со стороны освободившихся заключённых. В зоне — да, бывало всякое. Впрочем, я говорю сейчас о прошлом...

В сущности, и солдаты, и зеки находились почти на одинаковом подневольном положении,

а в бытовом отношении заключённые жили даже лучше.

Странно было наблюдать, например, когда рано утром с визгом открывались тяжёлые колонийские ворота и строем, по пятёркам, в предзонник выходили сытые, рослые, в щеголевато подогнанных чёрных «молескиновых», тщательно отутюженных робах заключённые. Сапоги и тяжёлые, с металлическими заклёпками ботинки надраены до блеска, высокие каблуки подбиты для форса бряцающими по асфальту подковами.

А поодаль ёжились на ветру худые низкорослые солдатики с цыплячьими шеями, торчащими из ворота мешковатых, не по росту, замызганных и отродясь не глаженных гимнастёрок, с грубо наляпантыми заплатками на коленях и задницах, в ржавых от пыли, вкривь и вкось стоптанных сапогах — «кирзухах» и нахлобученных до ушей выгоревших, замасленных, как блин, пилотках.

— Привет, чуханы! Когда на дембель? — кричали им весело зеки, поблёскивая самодельными «рандольевыми» фиксами, а солдатики отмалчивались, простуженно хлюпали носами и баюкали в руках казавшиеся непомерно тяжёлыми для них автоматы.

Дедовщина в конвойных войсках процветала страшная. Старослужащие по многу часов не меняли «салаг» на открытых, продуваемых со всех сторон (чтоб не спали) вышках. И какой-нибудь таджик, сутки не евший, не

спавший, ошалевший от свирепых уральских морозов, буквально выл на посту. И вой этот (или песня — не разберёшь) — разносился по ночам над заснувшей зоной и колонийским посёлком.

Иногда отношения между «чекистами» и «жуликами» перерастали прямо-таки в дружеские, основанные на полном взаимном доверии. Мало того, что солдаты снабжали зеков чаем, водкой, перебрасывали всё это через забор в обмен на «шаробешки» — поделки. Один дневальный рассказал мне историю, от которой отцы-командиры, узнай об этом, могли бы сойти с ума. Осуждённый к восьми годам за разбой Шура Коровин... периодически заступал часовым на вышку!

Происходило это на кирпичном заводе. Среди конвойных солдат оказался земляк из соседней деревни. Шура давал ему деньги, и пока «чекист» бегал за водкой и чаем в расположенный примерно в километре от охраняемого объекта райцентр, «жулик» с автоматом, заняв его место на вышке, бдительно охранял периметр. Водку делили по-честному: бутылку солдату, две — Шурику...

Тот, кто читал рассказы Сергея Давлатова, служившего в своё время именно в конвойных частях, согласится, что это не выдумки.

Я и сам однажды стал свидетелем чего-то подобного.

Однажды зимой навалившийся внезапно буран мгновенно

замёл степные дороги. Два «КамАЗа», выехавшие с кирпичного завода с двумя сотнями зеков, увязли на полпути в сугробах. Связи с колонией не было. Зеки стали замерзать в железных будках, сидевшие там же, через решётку, у заднего борта «чекисты» и вовсе околевали на открытом ветру. До жилой зоны оставалось километров шесть. Обеспокоенное тем, что фуры с заключёнными не прибыли вовремя, сгнули где-то в ревущей ветром степи, колонийское начальство послало на разведку пожарный автомобиль, отличавшийся высокой проходимостью. Но и он где-то безнадёжно увяз.

Не дождавшись помощи, конвой решил выпустить зеков из запертых будок и добираться до зоны пешком.

Я был на вахте, когда глубокой ночью на освещённое прожекторами пространство у ворот вдруг вывалила из снежной кутерьмы чёрная толпа и по пояс в снегу вломилась в предзонник. Дошли! При этом некоторые зеки несли на себе ослабевших «чекистов», некоторые волокли их автоматы с подсумками...

Несколько слов о конвойных собаках. Вспоминаю случай уже из «изоляторского» периода моей службы.

1991 год, августовский путч на воле. В следственный изолятор Оренбурга пришёл абсолютно отморозенный этап грузинских воров. Видать, были в МВД СССР светлые головы, которые в

этой неразберихе спроваживали «отрицаловку» в родные республики. Но нам-то что делать? В камере 40 человек, а нас, ментов, вместе с «кадровиком», мобилизованным из штаба, — всего пятеро. По восемь откормленных зеков на брата. Они орут: «Менты, бидарасы, всех резать будем!»

Надо привести их в чувство, чтобы поняли, куда попали. Доставили из «запретки» Мальша — огромную кавказскую овчарку и затолкали в камеру. Лай, вой, рёв. Открыли через пять минут — у Мальша морда в крови, все зеки на шконках, на втором ярусе. Арестанты кричат: «Ой, начальнык, убери собака!»

Вывели всю камеру в коридор, посадили на корточки, руки за голову. Нашли пахана. «Командир, этап на Тбилиси через неделю... Гадам буду — нормально будем себя вести. Оренбург на всю жизнь запомню. Хороший собака здесь водится!» И добавил с присущей кавказцам хвастливой гордостью: «Этот собак — земляк наш. У нас на Кавказе все такие — гордые и бесстрашные!»

8

В местах лишения свободы действовали так называемые общественные организации осуждённых. Были зоны, в которых заключённых загоняли в такие объединения или «секции» чуть ли не палками. Например, с этапа заставляли новичка писать заявление о «добровольном» вступлении в СПП — секцию

профилактики правонарушений, что-то вроде народной дружины. Надо ли говорить, что состоять в членах такой секции для основной массы заключённых считалось позорным?

На Мелгоре к вступлению в ту или иную секцию особо не принуждали. Все заключённые, становившиеся завхозами, дневальными в отрядах, бригадирами и нарядчиками, работавшие в хозобслуге и на пищеблоке, автоматически зачислялись в СПП.

Существовали и другие секции. Например, СКМР — секция культурно-массовой работы, СБС — санитарно-бытовая секция, СФСР — секция физкультурно-спортивной работы, и даже СОКМГ — секция общественных корреспондентов многотиражных газет! Последние должны были сочинять заметки в общую для всех оренбургских колоний газету — многотиражку «За честный труд», прозванную заключёнными «сучий вестник». Писали о передовиках производства, рассказывали душещипательные истории о раскаявшихся и «завязавших» уголовниках. Активных корреспондентов поощряли внеочередными посылками, свиданиями, а то и представлением к условно-досрочному освобождению.

Положенную члену СПП повязку на рукаве (в одних зонах — красного, в других — белого цвета с надписью «СПП») никто из заключённых на Мелгоре не носил. Это считалось «западло»

даже у активистов. Помню, перед какой-то большой проверкой из области Медведь поручил замполиту зоны подполковнику Елизарову обеспечить «должный вид» всего зоновского актива. Замполит передал команду ДПНК, тот, по нисходящей, — завхозам отрядов.

Когда Елизаров повёл комиссию на территорию жилзоны, у входа перед вахтой стояла шеренга бравых ребят с белыми повязками на рукавах.

Гости, среди которых, помимо тюремного начальства, было «вольное» партийное и комсомольское руководство, в том числе дамы, вполне демократично поздоровались с встречающим «активом» за руку, принялись оживлённо расспрашивать о житье-бытье. Те чинно и благородно отвечали на вопросы, рассказывали, как борются с нарушителями дисциплины и внутреннего распорядка дня в колонии.

В ходе этой беседы замполит находился в состоянии, близком к обмороку. И, безмолвно шлёпая губами, показывал украдкой из-за спин проверяющих кулак дежурному по колонии. Ибо шеренга «активистов» состояла целиком из зоновских «петухов» — педерастов.

Поскольку настоящие «активисты» надевать повязки категорически отказывались, завхозы, получив приказ ДПНК, не мудрствуя лукаво, выдали «знаки отличия» подвернувшимся под

руку отрядным «пидорам» и послали приветствовать прибывающую комиссию.

Впрочем, были в колонии и энтузиасты художественной самодетельности, и спортсмены, которые действительно организовывали концерты, футбольные и волейбольные матчи, но — для души, а не по принуждению.

Так, завклубом в жилзоне работал осуждённый — певец Москонцерта, получивший срок за ресторанный драку, а в библиотеке хозяйничал бывший второй секретарь Краснодарского обкома КПСС, осуждённый за взятки — большой любитель книг и знаток художественной литературы.

По-настоящему сообщество зеков делилось не на секции, а на множество ячеек, которые назывались «семьями». Члены одной «семьи» подбирались по принципу землячества, совместной работы, просто взаимным симпатиям. Никакого сексуального смысла в понятии «семья» не было.

Её члены поддерживали друг друга морально, делились посылками, «ларьком», а в случае необходимости кулаками защищали «семьянина», не давая в обиду.

Были маленькие «семьи», состоящие из двух-трёх затурканных бедолаг, и большие, «влиятельные», из десяти и более человек.

Я не раз наблюдал, с какой трогательной заботой друг о друге садилась за скромный ужин в отряде такая «семья». Кто-то старательно нарезал заточенным

черенком алюминиевой ложки (ножей в личном пользовании иметь зекам не разрешалось) сало — чтобы всем поровну, другой, обжигаясь, нёс кружку свежезаваренного чая. Кто-то выкладывал из бумажного кулёчка грязные липкие конфеты без обёртки — «ландорики».

В санчасти семьёй из трёх человек жили дневальные: бывший хоккеист, подававший когда-то большие надежды в спорте, но осуждённый за разбой Шура Коровин, убийца Виталик Виноградов и насильник Володя Кузнецов.

Шура Коровин был физически очень силен, но, как часто случается среди спортсменов, до изумления простоват. Свои восемь лет срока он схлопотал, по сути, за... попытку познакомиться с симпатичной девчонкой.

Будучи навеселе, встретил на улице приглянувшуюся девушку, попытался завязать знакомство. Но сделал это по простоте душевной хамским образом: снял с неё солнцезащитные очки и водрузил на свой картофелеобразный нос. По его разумению, девушка должна была попросить вернуть очки, и, слово за слово, тем самым дать повод с ней познакомиться ближе. Однако девица убежала в слезах. Шура погнался за ней, намереваясь вернуть ненужные ему очки. Тут-то и подвернулся навстречу милицейский патруль. Девица бросилась к стражам порядка, указала на обидчика. Пэпээсники, не разобравшись,

принялись крутить Шуре руки. В потасовке он накостылял милиционерам. При обыске в кармане у него нашли перочинный нож...

В итоге — статья за грабёж, сопротивление сотрудникам милиции, суд, тюрьма...

Виталий Виноградов — умный, осторожно-вкрадчивый, в драке убил незнакомого парня, угодив ему в голову кирпичом. Срок — десять лет. Как несовершеннолетний, начинал сидеть ещё в зоне на «малолетке».

— Зашёл во двор к матери, — рассказывал он о своём преступлении. — Первое мая отмечали. Поддатый, естественно. Увидел незнакомого парня. «Привет, — говорю, — корешок!» А он мне: «Да пошёл ты...» Ка-ак? В моём дворе — и такие грубые слова в ответ на приветствие? Врезал ему. Он мне. Покатились в драке. Под руку попался кирпич. Я швырнул в него. Расстояние было метров пять. Я уже семь лет сижу и всё кирпичи в цель швыряю. Ни разу, трезвый, с такого расстояния не попал. А тогда — пьяный, прям в тыковку... Наповал. А всё дурость, понты детские! — корил себя искренне Виталик. — Ну, послал он меня. Если бы я промолчал, мимо прошёл — через пятнадцать минут забыл бы навсегда об этой встрече. А теперь на горбу червонец ташу...

Володя Кузнецов — орчанин из бывших «блатных». Шесть лет лишения свободы за групповое изнасилование. Зрелая, но несовершеннолетняя девица пошла

с тремя парнями ночью на дачу пить водку. Как она представляла себе этот способ проведения досуга с юношами — история, как говорится, умалчивает. Что там было и как — Вовка не помнил. На следующий день девчонка призналась в своих похождениях матери. Та — в милицию...

Когда задержали двух его подельников, Володя Кузнецов скрылся. Уехал на Каспий. Работал там в рыбоохране. Имел личное оружие. Рассказывал о схватках со стрельбой с браконьерами. Скрывался лет пять.

— Потом мать пожалел. Решил сдаваться. Думаю, отсижу, пока она совсем не состарилась, — рассказывал он мне. — Приехал домой. Мать обрадовалась, стол накрыла. А тут и менты пожаловали — сосед, видать, стуканул. Руки вверх и всё прочее... Я им: «Мужики, не спешите. Я же сам пришёл, никуда не денусь! А тут вон, сколько всего приготовлено. Мать стол накрыла. Давайте посидим, выпьем...» Согласились. Посидели часа два, выпили крепко, только что песни не пели... Ну а потом, как положено, в наручники и в райотдел... Менты, что меня доставили, обнимаются со мной на прощанье, дежурный по отделу не врубится никак, что к чему. Спрашивает: «Вы друга привезли или преступника доставили?..»

Несмотря на разность характеров, жили дневальные дружно. Только однажды видел я, как поссорились Коровин и Кузнецов.

У Вовки был день «отоваривания» — когда один раз в месяц можно было по безналичному расчёту набрать в зоновском ларьке продуктов питания на «положняковые» восемь рублей.

Ассортимент ларька небогат: дешёвые сигареты, махорка, рыбные консервы, туалетные, письменные принадлежности, трусы, майки, тапочки. Из «деликатесов» — конфеты без обёрток — «дунькина радость», они же «ландорики», печенье, каменной твёрдости пряники, чай.

Вовка припёр в каптёрку наполненный в ларьке «сидор». Вскоре из каптёрки донеслись шум, крики. Войдя в закуток, где жили дневальные, увидел красного от ярости Шуру, обиженного Володьку и хохочущего Виталика.

— Вы чего тут разорались? — сердито поинтересовался я.

— Дык... я ему говорю: возьми повидлы! — в сердцах принялся объяснять Шура. — А он шампунь купил. Два сорок за флакон. Лучше бы на эти деньги банку повидлы взял!

— Ну, на хрена, Александр Геннадьевич, лысым шампунь?! — покатывался с хохоту Виталик, поглаживая себя и приятелей по стриженным «под ноль» головам.

Впрочем, недоразумение вскоре прояснилось. Оказывается, Кузнецов потратился на шампунь ради кота, пригревшегося в санчасти. Тот, не взирая на высоченный забор, сигнализацию, каждую ночь пробирался на волю

— в посёлок. Вот и нахватался там от подружек блох. И Володька решил помыть «донжуана» шампунем...

О стрижках. Заключённых полагалось не реже раза в десять дней стричь наголо. Волосы разрешалось отращивать за три месяца до освобождения. Впрочем, если зек допускал в этот период нарушение режима, за которое водворялся в ШИЗО, его обязательно стригли «на лысину». Формально — из санитарно-гигиенических соображений (профилактика вшивости), а реально — в наказание за проступок.

И ещё к слову: держать животных заключённым категорически запрещалось. Однако в жилой зоне практически в каждом отряде жили коты. На чердаках — голуби. На производственных объектах — собаки. Колонийское руководство смотрело на эти нарушения сквозь пальцы. Ибо понимало, что забота о «братьях наших меньших», сострадание к ним, тоже, как ни крути, а входит в процесс перевоспитания уголовных преступников.

Да и животные были приучены прятаться при появлении сотрудников, которых легко отличали от зеков.

У нарядчика, например, жестокого убийцы Новикова, едва ушедшего в своё время из-под расстрела, в «бендюжке», заменившей ему кабинет, жил голубь Петя. Дикая «сизарь», которого нарядчик выкормил из птенцов. Так вот этот голубь, вольготно

разгуливавший по помещению, заслышав команду: «Петя, менты!», мгновенно вспархивал и забивался на антресоли под потолком, становясь невидимым для представителей колонийской администрации...

9

Во время обхода палат в санчасти я обратил внимание на заключённого по кличке Мартышка. Худощавый симпатичный парень сидел на кровати, придулившись у тумбочки, и что-то быстро писал. Увидев меня, вскочил, захлопал быстро глазами.

— Письмо, что ли, пишешь? — поинтересовался я.

— Да, маме. В стихах.

— Ну, прочти!

Мартышка охотно, с выражением стал читать. На мой взгляд, стихи были плохие, но искренние. Я похвалил автора. Тот радостно вскинулся:

— Я уже посылал стихи маме. Она пишет: ты прямо поэтом там стал!

— Пидором ты стал, а не поэтом! — грубо осадил его Шура Коровин.

Мартышка угас, втянул голову в плечи. Ну что тут поделаешь?

«Опущенные», «петухи», они же «обиженные», «круглые», «пидоры» были низшими, абсолютно бесправными существами в зонной иерархии.

Если в женских колониях однополая «любовь» действительно походила на это чувство

— с объятиями, ревностью, ухаживаниями, то в мужских зонах всё было наоборот. Предмет своих же домогательств втаптывали в грязь, презирали.

При этом далеко не все «опущенные» были пассивными гомосексуалистами. Чаще всего «обижали» насильно, за какие-то прегрешения. Нарушения зонного этикета, воровство у товарищей — «крысятничество».

«Опущенный», даже насильно, незаслуженно, оставался таковым навсегда, сколько бы раз не доводилось ему потом «сидеть». За сокрытие «масти» могли убить. С ним, «по понятиям», нельзя было разговаривать, есть за одним столом, прикуривать от его сигареты, здороваться за руку, пользоваться его вещами. Впрочем, эти запреты не распространялись на сексуальные контакты.

В отрядах «обиженным» отводились отдельные спальные места — где-нибудь у порога, принимать пищу в столовой разрешалось только за специально отведённым для них столом, особняком от других. Посуда для «опущенных» помечалась насечками — чтобы не перепутать с «чистой». Любой, даже случайно вступивший в бытовой контакт с «опущенным», сам мгновенно превращался в «петуха».

На ступень выше по положению в зонной иерархии стояли «черти». Среди них было множество тех, кто, как говорили в зоне, «загнался», перестал

следить за собой, умываться, стирать и гладить одежду, зашивел.

Оказывались в этой «масти» и те, кого называли «кишкой», проще говоря, обжоры. По зонавскому этикету требовалось эдакое показное равнодушие к пище. Уважающий себя зек никогда не уписывает лагерную похлёбку за обе щеки, а ест будто нехотя, с отвращением, не торопясь.

Помню, посетив как-то «крытый», то есть тюремный режим, я обратил внимание на то, что стол в камере уставлен мисками с нетронутой пищей, хотя время обеда давно миновало. Местный начальник медчасти подосадовал в сердцах: «Так здесь же воры сидят, с понятиями. Не жрут, пока всё не остынет, не начнёт прокидать к чёртовой матери!»

— Еда, гражданин начальник, дело свинячье, — с презрительной ухмылкой пояснил мне обитатель камеры, зек, обряженный в полосатую робу особо опасного рецидивиста.

Но встречались обжоры, которые, съев свою пайку, выливали миску, охотно доедая за соседом. Они-то и оказывались неминуемо в разряде «чертей».

Однажды мне довелось отпирать в районную больницу заключённого-новичка с разлитым перитонитом. Оказавшись впервые в столовой, он, съев порцию каши, попросил добавки. Ему подали целый «бачок» — с полведра перловки. Он опустошил и его. После этого кто-то из

соседей по столу саданул обжору кулаком по туго набитому животу так, что желудок лопнул...

Помню, как в категорию «чертей» перевели дневального, съевшего отрядного... kota!

А вот к собачатине ещё со времён сталинских лагерей относились с уважением. В моё время собак тоже ели уже не от голода, а из зонавского шика. Был случай, когда на кирпичном заводе зеки умудрились вытащить из запертки и сожрать... караульного пса, мстительно повесив шкуру на колючую проволоку. Прошедшее было расценено как ЧП, в батальон нагрянула проверка...

Зонавские опера быстро вычислили едоков, но помалкивали из вредности и злорадства...

А вот вкусивший кошатины опускался в глазах братвы «ниже канализации».

К слову, коль речь зашла о еде. В некоторых детских колониях «западно» было есть... помидоры. Или курить сигареты «Прима». Дело в том, что и томаты, и пачка сигарет были красного цвета, который ассоциировался с «активом» и считался «позорным». Детки могли отказаться от свидания с матерью, если она приезжала в красном платье, туфлях или косынке. Во взрослых зонах таких дурацких «понятий» уже не существовало.

«Опущенные» приносили массу неприятностей администрации колонии, а завхозам — дополнительных хлопот. Приходилось заморачиваться с их

трудоустройством, ибо из бригад их гнали. Завхозы, матерясь, водили в баню, «прожаривали» в дезкамерах от вшей и чесотки вещи и постельное бельё. Сами «опущенные» постоянно ссорились и дрались между собой.

Видимо, всеобщее презрение снимало с изгоев последние нравственные запреты. Они постоянно что-то крали друг у друга, жаловались администрации и в надзорные инстанции, «стучали» на всех подряд.

Впрочем, даже в их среде был свой «начальник», «kozyрный пидор», который разбирался в их склоках, мирил.

В некоторых зонах «обиженных» пытались собирать в отдельные отряды, но те разводили там такой дикий «беспредел», так издевались над своими же товарищами по «масти», что от этих затей отказались.

Я как-то поинтересовался у заключённых, распространяется ли такое отношение к «опущенным» и на «вольную» жизнь? Ведь там зонавский «петух» может оказаться уважаемым членом общества, отцом семейства? Мне ответили, что «предъявлять» специально бывшему зеку из этой категории на свободе нельзя. Нужно просто стремиться не иметь с ним ничего общего. Например, оказавшись случайно в одной компании, встать из-за стола и уйти. Не объясняя причин.

Я уже говорил, что в зоне добро и зло часто меняется местами. И строгое, неукоснительное

соблюдение «мастей» в блатном мире никогда не позволит, к примеру, сформировать в России по-настоящему «толерантное общество» в западном понимании. В котором сексменьшинства смогут занять лидирующие позиции. Наш родной, отечественный криминалитет им этого никогда не позволит.

10

Активистов в зонах называли «козлами», «красными», «ссучившимися». У старых зеков где-нибудь на особом режиме ещё можно было прочесть на груди татуировку с аббревиатурой «БАРС». Накальвалась она в энкавэдешных лагерях и означала: «Бей актив, режь сук». То есть активистов.

По зонавской иерархии «козлы» располагались где-то возле «чертей», но фактически положение их оказывалось много выше. Активисты работали дневальными, завхозами, бригадирами, и ущербность свою ощущали разве что на этапе да в штрафном изоляторе, где их содержали отдельно от других категорий осуждённых.

По столичным циркулярам в «актив» администрации следовало зачислять заключённых, «твёрдо вставших на путь исправления и перевоспитания, осознавших свою вину перед обществом и оказывающих положительное влияние на других осуждённых».

Те же МВДэшные инструкции требовали от лагерного

начальства «решительно избавляться от активистов из числа приспособленцев, преследующих при сотрудничестве с администрацией корыстные цели». Но... других просто не было! Да и сами активисты не скрывали, что сотрудничать с администрацией колонии их заставили сложившиеся обстоятельства.

— Поднялся на зону, — рассказывал мне завхоз одного из отрядов, бывший десантный прапорщик, досаживающий за убийство 15-летний срок, — меня в хорошую «семью» приняли. Не то, чтобы «блатную», но авторитетную, из крепких «мужиков». Поездил я на кирпичный завод с полгодика, потолкал тачку. А потом говорю своим: «Всё. У меня пятнашка, за это время я тут от такой работы загнусь». И пошёл в актив. Тут легче. Был дневальным в отряде, «локальщиком», теперь вот завхозом. Всё-таки сыт, в тепле, пырять по-чёрному не приходится. Кстати, вы не знаете, амнистия участникам войны на меня не распространяется? Я чехов в 68-м на уши ставил...

Бывший десантник, которого в зоне звали уважительно по отчеству — Романыч, зарезал колхозного агронома.

— Я в отпуск в деревню к матери приехал, — рассказывал он. — А дело к Новому году. Полдеревни стало к празднику свиней резать. У меня лучше всех получалось. Говорят, рука тяжёлая. Всажу нож — и не пикнет. Сразу наповал. Ну и резал всем подряд.

В каждом доме, как принято, по этому случаю угощение, выпивка. Однажды сидим за столом после забоя, выпиваем. Я про Чехословакию рассказываю. В газетах-то писали, что мы там прямо как ангелы себя вели, войска то есть. А на самом деле навели шороха.

Помню, выстроили на аэродроме наш полк, под утро, светало уже. Сейчас, говорят, командующий приедет. Точно, вскоре прикатил генерал, посмотрел на нас, а потом как заорёт: «Это вы кого здесь поставили?! Почётный караул или десант? Расстегнуть гимнастёрки! Тельняшки показать! Засучить рукава до локтей! А теперь вперёд, сынки! На выстрел отвечать тысячью выстрелов!»

Я рассказываю, а рядом агроном сидит. И ну на меня наезжать. «Вы, — кричит, — палачи свободолюбивого народа!» «Ах ты, — отвечаю, — сука, интеллигент херов!»

У меня от обиды башку переклинило. Взял со стола нож, которым свиню резал, и засадил ему в грудь. Насквозь, аж к стене, как жука вонючего, приколол! Вот и выходит, что я, гражданин доктор, вроде как политический. Только не тот, что против советской власти, а наоборот, защищая её, пострадал...

Виталий Виноградов активистом стал так.

— Когда осудили, мне ещё восемнадцати не было. Отправили в зону для «малолеток». В первый же день в карантине дневальный

подходит, и, поигрывая чётками в татуированных руках, спрашивает: «Ты кем по этой жизни стать хочешь?» Я отвечаю: «Пацаном». Блатным, то есть. А он мне: «Ну, тогда пошли, пацан, потолкуем за эту жизнь». И повёл в каптёрку. Только зашёл туда — мне тубарём по башке как дали! Я с копыт и выстегнулся.

Очнулся, смотрю — вы не поверите, табуретка деревянная, тяжёлая, — на дощечки разлетелась. А дневальный щерится: «Вставай, пацан. Вот тебе тряпка, начинай полы мыть». В общем, били на малолетке не по-человечески. А заступиться некому. У меня же статья — убийство, я в стерлитамакскую зону, на спецусиленный режим попал. Земляков нет. Там такую сопливую блатату, как я, без подогрева с воли, вмиг разворывали. Ну и, пока не опустили окончательно, пошёл в актив...

У орчанина Володьки Кузнецова другая беда.

— На воле-то я с блатными крутился. Пахан мой в авторитете был, семь ходок на зону. Там и помер. Я его и видел-то только на свиданках, в полосатом прикиде. Сейчас, наверное, в гробу переворачивается, узнав, что сын по «козьей тропе» пошёл.

Я ведь раньше как думал? Блатная братва — все за одного. Романтиком пришёл на зону, у меня «пионерская зорька» в заднице играла. Попал в семью «отрицаловки». На объект выехали, «бугор» на тачку показывает: впрягайся! Я ему, дескать,

от работы кони дохнут! А бригадиром тоже орчанин был, он освободился уже, а потом его на воле замочили по пьяному делу. Здоровый бычара! Отмордовал он меня. Я — к корешам: братва, заступитесь! А они мне: ты сходи в санчасть, сними побои, а потом напиши жалобу «хозяину». Бригадира с должности снимут за избиение, тогда мы с ним разберёмся.

Я потом понял, конечно, что бугор прикрывал их от работы, от ШИЗО спасал, вот они с ним и не хотели отношения портить. Меня такая обида взяла! Я и плюнул. «Какие вы, говорю, блатные! Суки вы продажные, а не пацаны!» И пошёл в актив.

Охотно пополняли ряды активистов «случайные пассажиры» на зоновском корабле: бывшие военнослужащие, инженеры, врачи, осуждённые хозяйственники — расхитители социалистической собственности, взяточники и просто влетевшие «по бытовухе» работяги и колхозники. Зачисление в актив давало им кроме относительно лёгкого трудоустройства и комфортного житья ещё и возможность досрочного освобождения, выхода на «химию», в колонию-поселение.

Кстати, вспомнилось, как до начала 90-х годов прошлого теперья века на горожан-оренбуржцев наводили страх так называемые «химики» — осуждённые условно или освобождённые досрочно с направлением на стройки народного хозяйства. А ведь

среди них были в основном зоновские активисты и «чёрные пахари» — «мужики», «прочно вставшие на путь исправления». «Отрицаловка» на «химию» не попадала.

К слову расскажу забавный эпизод из той поры. Мою супругу, врача-фтизиатра с Мелгоры, капитана внутренней службы Филиппову Ларису Александровну где-то в середине 80-х отправили на повышение квалификации в Оренбургский областной противотуберкулёзный диспансер. Оказавшись там, она с удивлением узнала, что персонал и больных диспансера затерроризировали несколько «химиков», попавших туда в связи с выявленным туберкулёзом лёгких. Они пьянствовали, грубили, а то и угрожали врачам, отбирали вещи и продукты питания у прочих больных. Пробовали вызывать милицию — но те отказались связываться с «туберкулёзниками».

Ларисе Александровне коллеги — вольные доктора, не без злорачества, естественно, поручили «курировать» две таких палаты, в которых лежали досрочно освобождённые заключённые.

На следующий день врачебная комиссия во главе с главврачом облтубдиспансера пожаловала в эти палаты на обход. И чуть в обморок не попадала!

Захламленные палаты с неуправляемыми пациентами были чисто вымыты, прямо вылизаны, больные чинно сидели на аккуратно заправленных койках.

У входа застыл рослый зек, который при виде врачей рывкнул на всю больницу: «Встать!» Обитатели палаты дружно вскочили, заложив руки за спину. А «старший палаты» зычным голосом доложил Ларисе Александровне: «Гражданин доктор! Палата в количестве шести человек к утреннему обходу готова!»

И больше никаких проблем с «химиками» в тубдиспансере не было.

Секрет такого мгновенного «исправления и перевоспитания» был прост. По существующему тогда законодательству заключённый, направленный на стройки народного хозяйства и признанный там по болезни нетрудоспособным, подлежал возвращению в места лишения свободы, то есть в зону. Вольные доктора об этом не знали. Зато капитан внутренней службы Филиппова доходчиво объяснила своим подопечным, что при малейшем нарушении дисциплины приведёт в действие это положение. А в зоне, даже будучи больным туберкулёзом, особо не охамеешь...

Основная масса осуждённых относилась к категории «мужиков». Именно они работали на производстве, выполняли план, обеспечивая благосостояние колонии. По воровским понятиям, зоновский «мужик» обязан добросовестно трудиться, за что администрация, в свою очередь, должна была расстараться

обеспечить его всем необходимым. Что при нарастающих кризисных явлениях на закате социализма, в пору тотального дефицита — продуктов питания, одежды, постельного белья, когда порой невозможно было найти на складах даже курицы, — было совсем не просто.

«Сначала отдай положняковое, потом требуй!» — вот главный принцип отношения массы «мужиков» с лагерным начальством.

Осуждённые из этой категории не встречали во всяческие внутризональные разборки. Не претендовали на лидерство, роль «авторитетов». Целью большинства из них было «отсидеть, как положено», и скорее, лучше досрочно, освободиться.

За влияние на эту категорию заключённых, составляющую примерно 80 процентов от числа всех осуждённых, и боролись между собой администрация и «отрицаловка» на Мелгоре.

При этом администрация чаще всего оставалась в проигрыше, ибо уже в силу своего должностного положения была обязана «закручивать гайки». Укреплять режим содержания, дисциплину, «вышибать» производственный план. Да и «отдать положняковое», повторяю, было довольно сложно. Ситуацию с тотальным дефицитом усугубляли хитрые снабженцы, закупувавшие за бесценок то тухлую рыбу, то такое же, на последнем издыхании, мясо, вороватые повара... Много

находилось желающих урвать кусок из и без того не слишком сытного зонального пайка.

На этом и строили свою политику лидеры «отрицаловки», тщательно фиксируя все промахи и недостатки в работе администрации, подзуживая «мужиков» против ущемления их прав, выступая в роли защитников от «произвола и беспредела» тюремного руководства.

За это от «мужиков» требовалось передавать в «общак» часть продуктов из ларька, посылок, пронесённых нелегально со «свиданки» денег. Всё это предназначалось для «подогрева» содержащихся в штрафном изоляторе и в «БУРе», подкуп сотрудников колонии и конвойных, безбедную жизнь «блатных».

В те годы о «всероссийском воровском общеке» ходили только слухи. На Мелгоре сколотить его так и не удавалось — зона считалась «красной», «сучьей», «замороженной», где власть крепко держали администрация и «актив».

Никаких «воров в законе» на усиленном режиме тогда не было и быть не могло, поскольку здесь отбывали срок наказания осуждённые впервые. Это потом, уже в перестроечные годы, воровское звание стали получать и даже покупать так называемые «апельсины» при первой отсидке или вовсе не сидевшие. В годы, о которых я пишу, это почётное для всех сидельцев звание ещё не было так девальвировано.

На Мелгоре существовала так называемая «отрицаловка», «парни» или «пацаны», которые пытались придерживаться воровских традиций, но оставаться в этом статусе долго им удавалось редко.

Особо рьяных, которые «не гладились», то есть не шли ни на какой контакт с администрацией, лагерное начальство прятало в штрафной изолятор, помещения камерного типа, он же «БУР», а затем отправляло на тюремный режим, на «крытую».

Это позволяла введённая в те годы в Уголовный Кодекс статья, если не ошибаюсь, 88-я со значком 3, предусматривающая наказание от одного до трёх лет за злостное нарушение режима содержания, дезорганизацию деятельности исправительно-трудовых учреждений. Осуждённые по ней уже в местах лишения свободы переводились для отбывания дальнейшего срока наказания на тюремный режим.

Из числа «отрицаловки» в зону наподобие Мелгоры на воровских сходках обычно назначался «смотрящий», призванный приглядывать за тем, чтобы администрация «не творила беспредел», разбиравший «по воровскому закону», «по понятиям», всяческие конфликты среди осуждённых.

По данным оперчасти, пара человек из «блатных», содержащихся на Мелгоре, претендовали в своё время на эту роль, но их кандидатуры не утвердили на «воровских сходняках».

Однажды на Мелгоре появился армянин, прибывший этапом из другой зоны. Он быстро наехал на уши местной «отрицаловке», представившись посланником легендарного вора в законе Васи Бриллианта. «Кумовья», возмущившись такой наглостью, подбросили в зону «маляву» с информацией, что новичок — бывший «активист», переведённый к нам на Мелгору по оперативным соображениям.

Обычно так поступали, чтобы спасти жизнь «намутившему» в зоне заключённому. Переводили в другие колонии за пределы региона, а то и республики.

Этот армянчик, которого все звали Ара, был патологическим вруном. После развенчания самозванца Медведь приказал мне спрятать его в санчасть — чтобы не проломили башку или не прирезали в отряде.

В тот же день Ара пожаловал в мой кабинет. Плотно закрыв за собой дверь и оглянувшись по сторонам, представился шёпотом:

— Я старший лейтенант КГБ. Фамилии моей вам знать не положено. Под видом заключённого выполняю в местах лишения свободы специальное задание партии и правительства. От вас, товарищ капитан, требую оказывать мне максимальное содействие!

В ту пору среди зеков и администрации действительно ходили легенды про гэбистов, разъезжающих под видом зеков по зонам с целью разоблачения каких-то преступлений против государства, а

заодно и выявлявших нечистых на руку сотрудников колоний.

— Поскольку я старше вас по званию, — серьёзно ответил я ему, — то приказываю вернуться в палату и приступить к уходу за тяжелобольными. Или мытью полов. На данный момент вы здоровы, в лечении не нуждаетесь, а содержать просто так в стационаре дармоеда я не намерен. Даже из числа офицеров КГБ!

— У вас будут крупные неприятности! — покидая кабинет, зловеще пообещал Ара.

Через день его отлупили, так как он стал шарить по тумбочкам в палатах и воровать продукты у прочих больных.

Мне пришлось попросить начальника колонии убрать его из санчасти, так как уже даже здесь не могли гарантировать неприкосновенность «крысятника».

Узнав, что его собираются перевести в штрафной изолятор, Ара наглотался сапожных гвоздей, иглок — на рентгеновском снимке я насчитал штук тридцать инородных тел в проекции желудка. Зек потребовал отправить его в «вольную» больницу. На операцию.

Встречаясь с такой формой членовредительства довольно часто, я не стал паниковать. Несмотря на то, что Ара хватался руками за живот, мученически закатывал глаза, клинических признаков прободения кишечника не наблюдалось. А ещё через пару дней, при повторном рентген-исследовании, стало ясно, что

все гвозди и иглы покинули организм или «отошли», как выражаются доктора, «естественным путём».

Понимая, что штрафного изолятора теперь уж точно не избежать (членовредительство в те годы расценивалось как злостное нарушение режима содержания), Ара где-то раздобыл молоток, два больших гвоздя и прибил себе, сидя на кровати, ступни к полу. Когда мне доложили об этом, страдальца уже освободил Шура Коровин. Не заморачиваясь поиском клещей или плоскогубцев, он просто взял Ару за шкирку, поднял, оторвал от пола, и погнал пинками к выходу из санчасти, где армянчика уже ждал дежурный наряд контролёров с тем, чтобы препроводить в ШИЗО. Позже, насколько мне известно, его отправили куда-то уже из нашей зоны по тем же «оперативным соображениям».

«Сучьей зоной» Мелгора стала после крутой разборки активистов с блатными.

Оперативники проморгали назревавший конфликт, и ночью несколько десятков активистов, вооружившись палками и заточками, пошли по отрядам мочить «отрицаловку».

Заходя в помещение, орали: «Блатным — встать! Мужикам и остальным — лежать!»

Тех, кто поднимался, били. Лежащих не трогали, но оказавшиеся среди них «блатные» отныне считались «разворованными». Несколько человек попали

в санчасть, одного «пацана» едва не забили насмерть — его спас, накрыв своим телом, как отважный командир выпавшую из рук новобранца гранату, ДПНК Батов.

С тех пор власть в зоне принадлежала «активу», но авторитетные зеки, конечно, оставались.

Помню, был такой орчанин по фамилии Сухов. К нему с жалобами частенько бегали «мужики», приходила советоваться и «отрицаловка». Прапора-контролёры относились к этому невысокому, жилистому, действительно сухому какому-то заключённому с уважением, и по пустякам не трогали.

Сухов был убийца, ушёл из-под «вышки» и первых пять лет после помилования провёл на «крытой», то есть на тюремном режиме.

Оказавшись однажды в санчасти, он пил чай с дневальными, словно простой «мужик», мастерил из разноцветных ниток и проволоки какие-то цветочки и дарил их медсёстрам. Был отменно вежлив, никогда не повышал голос, медиков ни о чём не просил, безропотно вынося все назначенные ему процедуры.

Я как-то поинтересовался:

— Послушай, Сухов. Извини, конечно, за любопытство, но ты из «блатных» или как? Смотрю — и с активистами, и с «отрицаловкой» на равных кентуешься, чай пьёшь...

— Я, Александр Геннадьевич, папа римский, — усмехнувшись, разъяснил он. — Живу, как хочу,

общаюсь, с кем хочу. Меня во многих зонах знают. Если что не так — любому глотку зубами перегрызу. Но — за дело. А все эти «масти», воровские понятия — ерунда, детский сад для малолеток. Главное — в любой ситуации человеком оставаться...

Как-то обитатели ШИЗО, протестуя против каких-то притеснений администрации, замутили голодовку. Среди них оказался и Сухов. Держались арестанты стойко, Сухов, который был старший по возрасту, ослабел больше других. Я по медицинским показаниям решил вывести его в санчасть.

— Не пойду, — решительно мотнул он головой в ответ на моё предложение перебраться в стационар из бетонной камеры, в которой даже голые нары на день откидывались и пристёгивались к стене. — Что братва обо мне подумает? Не-е... Спасибо, конечно, за заботу, гражданин доктор, но мне такая лафа не канает...

К слову, объявление голодовки тоже считалось злостным нарушением режима. Объявивший голодовку непременно водворялся в штрафной изолятор. Три раза в день ему приносили в камеру пищу и оставляли на два часа. Потом, если заключённый отказывался есть, уносили.

Принудительное кормление осуществлялось через зонд, специальными питательными смесями, но не ранее, чем через десять дней после начала голодовки, по медицинским показаниям.

Однако на моей памяти никто из голодающих такой срок не выдерживал — либо конфликт исчерпывался, либо аппетит брал своё.

Да и, в соответствии с инструкциями «для служебного пользования», принудительно кормить следовало только тех заключённых, кто объявлял голодовку, предъявляя обоснованные требования, которые по объективным причинам администрация не могла удовлетворить в данный момент. Кроме того, принудительному кормлению, согласно тем же инструкциям, подвергались психически больные, отказывающиеся от приёма пищи, а также иностранные граждане, арестованные и осуждённые за шпионаж. Шпионов на Мелгоре никогда не содержалось, психи, как правило, наворачивали порции за троих, вылизывая миски, так что желудочным зондом за все годы службы воспользоваться мне ни разу не довелось.

Ну и, если уж речь коснулась «авторитетных» зеков, блатных.

Весь мой тюремный, да и житейский опыт подсказывает: если «сидельцы» в зоне или на воле начинают вас оскорблять, угрожать — это наверняка уголовные сямки, ни на что не годная шелупонь, черти.

«Правильные пацаны», «здравые арестанты» так себя не ведут.

Помню, в 1980 году, ещё до Мелгоры, во время службы в армии, в Белой Церкви (Украина) я вдруг, молодым лейтенантом, оказался самым главным доктором артиллерийского полка. Все старшие по званию и должности ушли в Афганистан, а нас, «двухгодичников», «пиджаков», как я теперь понимаю, пожалели.

Я жил при части. Однажды в воскресенье подошёл ко мне фельдшер срочной службы младший сержант Аслан Кертиев, кабардинец. И рассказал, что к его земляку, дагестанцу, приехали мать и брат. А увольнительную выписать некому. И не могу ли я отвести солдатика в гостиницу, на встречу с родными?

Привёл. Брат солдата — слегка за тридцать, подвижный, очень вежливый кавказец, небольшого росточка, с усиками, усадил меня за стол. Угощал душевно, прямо-таки потчевал... Был сверхлюбезен, предупредителен. Мы с ним тепло попрощались.

Позже я спросил Аслана:

— Кто этот парень? Учитель? Музыкант? Такой интеллигентный...

— Он, товарищ лейтенант, вор в законе. Его весь Дагестан боится и уважает...

(Продолжение следует)